P 63
953

Р 63/953

ДВѢНАДЦАТЬ

МУДРЫХЪ БАСЕНЪ

(ХЕМНИЦЕРА и КРЫЛОВА).

Изданіе учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

БИБЛІОТЕКА * М.П.М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типогр. Товарищ. «Обществен. Польза» Больш. Подъяч., д. № 39.
1882.

2007054053

Р 63
953

Ф. 117135-38

ДВѢНАДЦАТЬ МУДРЫХЪ БАСЕНЪ

(ХЕМНИЦЕРА И КРЫЛОВА).

Богачъ и Бѣднякъ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ.
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
И кто-бы ни былъ ты таковъ,
Дѣтина будешь, какъ дѣтина.
А бѣдный—будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй,
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,
Того почтенья не дождется,
Какое ото всѣхъ богатымъ отдается.
Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ,
Но Бѣдняка никто не только что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ—
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ

Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ, и такъ и сякъ, заводитъ;
Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ
Короткое—иль «да», иль «нѣтъ».
Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не находитъ:
Съ учтивствомъ подойдетъ, и съ горестью отходитъ,
Потомъ,
За бѣднякомъ,
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался,
Но только въ двери показался—
Сказать нельзя какой пріемъ!
Всѣ встали предъ богачемъ;
Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ,
И подъ руки его берутъ;
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ;
Поклоны чуть ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.

Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ раз
суженье.
«За чѣмъ», онъ говорилъ ему:
«Достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?»
— «Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякій занимаетъ!»

Хемницеръ.

Заслуженный Конь.

Былъ конь у барина, какихъ бываетъ мало:
Не конь, а кладъ,
Какъ говорятъ.
Скупаго барина такого не бывало;
И только одного коня онъ и держалъ,
Который въ домѣ всю работу исправлялъ,
Какую бы и тремъ исправить въ пору было.
Конь, сколько могъ, служилъ; но время наступило,
Что больше уже не въ мочь пришло ему служить.

И по прямому-бъ надлежало,
Изъ благодарности, коня по смерть кормить.
Но чувства въ баринѣ такого не бывало:
Конь въ тягость сталъ; онъ шлетъ продать.
Но дряхлаго коня кто станетъ покупать?
Ведутъ его назадъ. «Ну, не хочу я болѣ,
(Хозяинъ, осердясь, сталъ людямъ говорить)
Безпрокаго коня кормить:
Сгоните въ поле!
Пускай, за службу, самъ онъ кормится на волѣ».
И бѣднаго коня велѣлъ съ двора согнать.
Такого ли коню за службу возданья
Возможно было ожидать?
Въ нашъ вѣкъ, хозяинъ пропитанья
Стыдился бы коню не дать.

Хемницеръ.

Кащей.

Какой-то былъ Кащей и денегъ тьму имѣлъ;
А сказывалъ онъ самъ, что онъ разбогатѣлъ,
Не криводушно поступая,
Не грабя и не разоряя.
Нѣтъ, онъ божился въ томъ,

Что Богъ ему послалъ такой достатокъ въ домъ,
И что никакъ онъ не боится
Противу ближняго въ неправдѣ обличиться.
А чтобы Господу за милость угодить,
И къ милосердію и впредь его склонить,
Или чтобъ совѣсть успокоить,
Кащею вздумалось для бѣдныхъ домъ построить.
Домъ строютъ, и почти достроили его.
Кащей мой—домъ свой посѣщаетъ;
Смотря онъ на него,
Любуется и разсуждаетъ:
Какую бѣднымъ онъ услугу показалъ,
Что имъ пристанище построить приказалъ!
Такъ внутренно Кащей мой домомъ веселится,
Какъ нѣкто мимо проходилъ.
У незнакомаго съ восторгомъ онъ спросилъ:
«Довольно, кажется, тутъ бѣдныхъ помѣстится?»
—«Довольно здѣсь ихъ можетъ жить;
Но всѣхъ хозяину сюда не помѣстить,
Которыхъ по міру заставилъ онъ ходить».

Хемницеръ.

Соловей и Чижъ.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ,
И чижъ и соловей висѣли,
И пѣли.
Лишь только соловей, бывало, запоетъ,
Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ:
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Что эдакъ хорошо поетъ.
Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.
«Ну,» говоритъ: «узнай, мой свѣтъ!
Которая тебя такъ много забавляетъ?»
Тотчасъ на чижика мальчишка указалъ.
«Вотъ, батюшка, она!» сказалъ.
И мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищеньѣ:
«Какія перушки! куда какъ онъ пригожъ!
За тѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!»
Вотъ дѣтско разсужденье!
Да полно, и въ житействѣ тожъ
О людяхъ многіе по виду заключаютъ:
Кто наряженъ, богатъ, пригожъ,
Того и умнымъ почитаютъ.

Хемницеръ.

Ворона и Лисица.

Ужь сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отъищетъ уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочикъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужь собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала;
Вдругъ сырный духъ лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ,—Лисицу сыръ плѣнилъ,
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ;
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:

«Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,

Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!»
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло.—
И на привѣтливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

Крыловъ.

Раздѣлъ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши
Наторговали денегъ гору;
Окончили торги, и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,—
Какъ—вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
«Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!»
Кричитъ одинъ изъ нихъ: «ступайте,
А счеты послѣ мы сведемъ!»
—«Мнѣ только тысячу мою сперва додайте»,

Шумитъ другой—
«Я съ мѣста не сойду долой»
—«Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счеты ясны,»
Еще одинъ кричитъ.—«Нѣтъ, нѣтъ мы не согласны!
Да какъ, за что, и почему?»
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумѣли,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, которыя гораздо по-важнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.

Крыловъ.

Стрекоза и Муравей.

Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пронѣла;

Библиотека имени

Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ.
Все прошло съ зимой холодной;
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужь не поетъ:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодной!
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползетъ она:
— «Не оставь меня, кумъ милой!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!»
— «Кумушка мнѣ странно это!
Да работала-ль ты въ лѣто?»
Говоритъ ей муравей.
— «До того-ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ —
Пѣсни, рѣзвость всякой часъ,
Такъ что голову вскружило.»

— «А, такъ ты...»—«Я безъ души
Лѣто цѣлое всё пѣла.»
— «Ты всё пѣла? это дѣло:
Такъ поди же, попляши.

Крыловъ.

Заяцъ на ловлѣ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ задавили —
И дѣлятъ межь собой,
Кто что́ себѣ достанетъ.
А заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.
«Ба, ты, косой,
Кричатъ ему: «пожаловалъ отколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ.»
— «Вотъ братцы!» заяцъ отвѣчалъ:
«Да изъ лѣсу-то кто жь,—все я его пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка!»
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно;
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочекъ медвѣжьяго ушка.

Надъ хвастунами хоть смѣются,
Но часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

Крыловъ.

Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и, на просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ:
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по-міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
«Нельзя ли», говоритъ: «помочь бѣдѣ моей?»
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: — «Эхъ, свѣтъ!
Ненадобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ.»

Сватъ Климычъ говоритъ: — «Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить.»
«Эхъ, братцы, это все не такъ,»
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
«Не то бѣда, что клѣть далеко,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка у меня щенка любаго
Отъ жучки: я бы радъ сосѣда дорогаго
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить.»
И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ;
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямъ.
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ, и глухъ.

Крыловъ.

Волкъ и Лисица.

Охотно мы даримъ,
Что намъ ненадобно самимъ.
Мы этой басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись до-сыта,
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ,
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный волкъ тащится
«Что, кумушка, бѣды!» онъ говоритъ:
«Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ:
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться!»
—«Неужли?»—«Право такъ.»—«Бѣдняжка куманекъ!
Да не изволишь-ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова.»
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснова—
Да про запасъ лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

Крыловъ.

Лебедь, Щука и Ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ:
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него, не дѣло — только мука.

Однажды лебедь, ракъ, да щука,
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалось и легка:
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, — судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Крыловъ.

Трудолюбивый Медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.

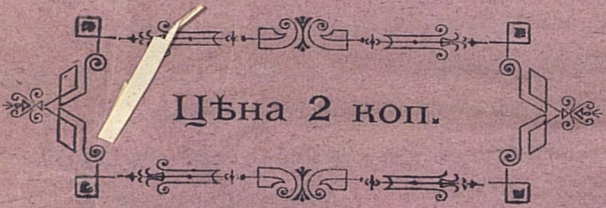
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березника и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта
И говоритъ: «Сосѣдъ, что за причина эта?
Деревья такъ ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?»
— «Въ томъ», отвѣчалъ сосѣдъ:
«Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ.»

Крыловъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Января 1882 г.

Типографія Товарищества «Обществен. Польза», Б. Подъяч., д. № 39.

Цѣна 2 коп.


Цѣна 2 коп.

2007054053